

В этом году отмечается 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. В честь этой знаменательной даты наш журнал публикует отрывки из ранее изданных книг воспоминаний сотрудников ВСЕГЕИ, воевавших на фронте, эвакуированных и проводивших геологические работы во всех уголках страны, оставшихся в Ленинграде и испытавших все лишения блокадного города. Эти люди просто и без излишней эмоциональности описывают мучительный и постоянный голод, ежедневные ночные обстрелы, смерть любимых и близких... В каждой семье была война, и каждый: кто взрослым, а кто ребенком – прошел свой путь к Победе.

З. И. ГЛЕЗЕР

Мои школьные годы

Даже сейчас, по прошествии шестидесяти с лишним лет, 900 дней и ночей блокады вспоминаются как сплошной ужас из-за страха и постоянных лишений. Начало войны было концом беззаботного детства. Это мы осознали тогда, когда увидели папу в военной форме. Он был назначен главврачом в военно-морской госпиталь в Таллинне и заехал на дачу попрощаться с нами (родителям казалось, что на даче будет безопаснее, чем в городе). Но немцы наступали стремительно, и второй раз мы увидели папу на даче, когда он примчался вывезти нас оттуда. Фашисты были уже на подходе к Гатчине, и командование разрешило папе вывезти детей в Ленинград.

После жуткого перехода таллиннской флотилии в Ленинград, когда фашисты топили даже корабли с красным крестом, остатки госпиталя временно разместили в здании ВСЕГЕИ. Тогда я впервые услышала о нашем институте. Папа рассказывал о великолепном здании, о том, как сотрудники госпиталя и раненые, которые могли ходить, собирали по кабинетам книги и коллекции и складывали их в отведенном помещении. Вскоре папу перевели в госпиталь на Ораниенбаумский «пятак». Мы получали от него редкие письма, полные тревог от бессилия помочь нам. Он видел, как фашистские бомбардировщики летели на город, сбрасывали бомбы, и не знал, живы ли мы после очередной бомбежки. Письма обычно приносили девушки-краснофлотцы, которым

под покровом ночи удавалось по заливу пробираться в Ленинград и обратно мимо позиций немцев.

В начале сентября сомкнулось кольцо блокады. Маме как военнообязанному врачу не разрешили покинуть город, эвакуировать же меня с сестрой одних мама отказалась. Так мы (мама, бабушка, я и сестренка) остались в блокадном городе.

Первая бомбежка была 8 сентября. Она застала нас с мамой в Пушкарской бане (кстати, в последний раз). Раздались разрывы бомб. Женщины, наскоро одевшись, выскакивали на улицу. Над городом полыхало огромное пламя, всё заволакивали клубы черного дыма – горело продовольствие на бадаевских складах.

Пожары стали неотъемлемой частью жизни города, так как огонь нечем было гасить. Люди, которые могли добраться до складов, собирали землю, пропитанную черным обугленным сахаром, обгоревшие остатки продуктов.

В один из осенних дней фашистские самолеты строем пролетели над парком Ленина (ныне Александровский), пачками сбрасывая бомбы. Загорелись американские горы; огромные снопы искр, казалось, засыпали все вокруг; языки пламени поднимались чуть ли не до неба. Стоял жуткий дым от разрывов бомб, треска пожара, рева зверей в зоопарке, звона разбитых стекол.

Окна в квартире мы забили фанерой, завесили одеялами, но все равно от них очень дуло.

Позднее в наш дом попали две бомбы, но они, к счастью, не разорвались.

Едва начавшись, прекратились из-за сильных бомбежек занятия в школе. Во всех классах в учебные планы было введено военное дело. Мы изучали устройство винтовки, нам показывали, как надо стрелять, как пользоваться гранатой. Винтовки были очень тяжелые, мы с трудом удерживали их в руках.

Начались морозы, замерзли водопровод и канализация. Через парк на саночках возили воду из Невы, где у Мытнинской набережной была пробита прорубь. Люди молча стояли около нее, дожидаясь своей очереди. Бабушка, улегшись на обледенелый край проруби, ковшиком заполняла большую кастрюлю, и мы тащили ее домой.

Вскоре погасло электричество. Сначала, пока был керосин, зажигали керосиновую лампу, затем довольствовались слабым огоньком лампы, коптилки или лучины. Продовольствия становилось все меньше и меньше, на карточках оставалось все больше неотоваренных талонов. Катастрофически уменьшалась норма хлеба: до 125 граммов детям и иждивенцам, 250 – служащим, 300 – рабочим. К нам иногда заходил сосед; до войны он был обыкновенный инженер, мы играли с его дочками. В блокаду он служил в СМЕРШЕ. Он был мирный человек. Приговоривая к расстрелу изменников, он смотрел на черно-бурый, ноздреватый кусочек блокадного хлеба.

По радио звучали неутешительные сведения с фронтов – немцы стремительно наступали. Поползли слухи, что К. Е. Ворошилов, командующий Ленинградским фронтом, готовит город к сдаче – минируют мосты, заводы. Настроение у горожан резко изменилось, когда командующим фронтом назначили маршала К. М. Жукова – появилась надежда на спасение. Постепенно усиливалась противовоздушная оборона города, чаще раздавались залпы зениток, порой мы слышали ровное, как бы успокаивающее гудение наших истребителей, меньше фашистских самолетов стало прорываться в город, хотя бомбежки не прекращались.

Помимо пилки дров и заготовки воды, я много читала. Мне было невероятно стыдно, когда папа прислал обратно мое письмо, все испещрённое красным карандашом. Он писал, что нужно обязательно читать классическую литературу, чтобы стать образованным человеком. Я перечитала почти все книги домашней библиотеки – сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Гончарова...

Когда мама возвращалась с работы (ее могли перевести на казарменное положение, но она не могла оставить нас одних), был скудный ужин,

после которого есть хотелось еще больше. Мы с мамой и сестрой, не раздеваясь, залезали в ледяную постель, согревая друг друга. Я рассказывала о прочитанном за день. Это были счастливые часы – рядом с мамой было теплее и спокойнее, даже если начинались бомбежка или обстрел. Говорили, что на Дудергофских высотах фашисты установили пушку «Толстая Берта», снаряды которой долетали до центра города.

Сначала мы ходили в подвал соседнего дома, где было бомбоубежище, потом решили, что столь же безопасен дверной проем квартиры, ведущий на лестницу. Кроме того, не надо было идти по улице, где было светло, как днем, из-за осветительных ракет.

Весной жители города засадили каждый клочок земли во дворах, садах и парках. Не помню, где мама достала семена кормовой свеклы и турнепса. Осенью на наших грядках в парке вырос замечательный урожай. Листья свеклы мы заквасили, а корнеплоды свёклы и турнепса оказались чрезвычайно вкусными. Раньше мы даже не предполагали, что суп из селедочных голов может быть вкуснее куриного бульона, а кормовые дрожжи гораздо лучше печёночного паштета или колбасы.

С сентября 1942 года возобновились регулярные занятия в школе, мы начали учиться в 47-й школе им. Ушинского на улице Подковырова, я – в пятом, сестра – в третьем классе. Такой же тяжёлой была и блокадная зима 42/43-го годов. Хотя фашистские самолеты стали реже прорываться в город, но участились обстрелы. Они были страшнее, так как начинались внезапно. Продолжали свирепствовать голод и холод. Уцепившись друг за друга, мы с сестрой по узкой тропинке между обледенелыми громадами домов и грязными сугробами тащились в школу на Кронверкской улице. Нам навстречу на территорию Народного дома на саночках везли погибших детей и взрослых, зашитых в простыни. Было очень страшно, когда по дороге начинались бомбежки или обстрел, мы старались быстрее проскочить через Матвеевский садик, там негде было укрыться.

В школе мы ставили на печку-буржуйку чернильницы (за ночь в них замерзали чернила) и молча рассаживались по партам. В школе работали замечательные учителя-энтузиасты. Учительница истории Александра Петровна, научный сотрудник Артиллерийского музея, в потертом кожаном портфеле приносила сочинения древних поэтов. Слушали замирая, когда она читала нам трагедии Софокла. Учитель химии Георгий Ефимович Шмараков изо всех сил старался научить нас ставить опыты, Юлия Александровна Мейникс, читая нам поэмы

Гейне, сказки братьев Гримм, разыгрывала пьески, доказывала нам, что немецкий язык — это язык культурного народа, а не кучки оголтелых фашистов.

Несколько раз мы ходили с концертами в соседний госпиталь. Старательно читали стихи, пели частушки, песни, но было очень тяжело смотреть на раненых, замотанных бинтами, без рук и ног.

18 января 1943 года одержана большая победа — прорвана блокада Ленинграда. Поняли сразу, что происходит что-то необыкновенное: с утра гремела канонада, но свиста и разрывов снарядов не было.

Увеличилась норма продовольствия по карточкам. В школе появился завтрак — соевый кефир. Металлические плоские тарелочки опустошались мгновенно. На рынке меняли на вещи продукты. По папиному аттестату (900 рублей) можно было купить у спекулянтов буханку черного хлеба, на белый хлеб уже не хватало.

Весной мы вышли на очистку города, из последних силёнок долбили грязный снег и лед, складывали в кучи, потом вывозили с улиц. Ведь город находился под угрозой эпидемии, которая могла вспыхнуть вместе с наступлением тепла. Помню, сестра пришла из школы

в слезах. Вместо шайки ей досталось ведро, когда она пыталась тащить его волоком (поднять не было сил), оно опрокидывалось, приходилось снова собирать грязный снег и лед.

Самым большим праздником для нас был зимний день 27 января 1944 года — день снятия блокады.

Тяжелые дни остались позади, но блокада надолго оставила свой след, особенно в детских душах, хотя взрослые, как могли, старались уберечь детей от многих ее ужасов.

Я решила написать обо всем этом в память о моих родителях и учителях. Несмотря на то, что обрушился обычный мир, они в нечеловеческих условиях стремились дать детям образование. Уму непостижимо, как мама, которая готова была отдать за нас с сестрой жизнь, каждый день провожала нас в школу, не зная, вернемся мы домой или где-нибудь погибнем, останутся ли живы она, папа, сохранится ли наш дом или от него останутся пожарище и руины.

Невозможно представить себе, что переживал папа, когда видел город в дыму, зная, что его любимая семья подвергается смертельной опасности там, где бомбёжки, обстрелы, голод, и ничем не мог нам помочь, но в детских письмах исправлял орфографические ошибки.

Зоя Ильинична Глезер (1929–2006)

Доктор геолого-минералогических наук, ведущий науч. сотрудник ВСЕГЕИ, палеоботаник, стратиграф. Известный специалист по диатомовым и кремневым жгутиковым водорослям (силикофлагеллатам) и биостратиграфии морских кремнистых отложений палеогена России и сопредельных стран. Автор более 150 научных публикаций. Ее монография по силикофлагеллатам, переведенная на английский язык, до сих пор является единственной сводной работой по группе водорослей. Награждена знаком «Жителю блокадного Ленинграда» и памятным знаком Министерства природных ресурсов РФ «300 лет горно-геологической службе России».

Текст приведен по изданию «Ветераны помнят» (СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010. С. 88–92).